

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/1813-145X-2022-4-127-196-203
EDN: QTOZBH

**Постправда и постсоветское прочтение советского романа
(«Как закалялась сталь» Н. Островского)**

Екатерина Павловна Аристова

Кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии ФГБУН «Российская академия наук». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
ekaterina.ftwr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

Аннотация. В настоящей статье, посвященной исследованию повести «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, ставятся три основных вопроса: Что в новой информационной среде подвергает сомнению устоявшееся с 1990-х гг. понимание «тоталитарных» художественных произведений? Какова природа эмоционального воздействия произведения? Какую модель соотношения убеждений, личных и почерпнутых извне, предлагает читателю Н. А. Островский и в чем видит ценность этой модели?

Понятие постправды, активно употребляемое в современной политической риторике, характеризует приоритет эмоционально воспринимаемой информации и образов над фактами в условиях избытка информации, потери авторитета крупными институтами. Причина ситуации — упрощение творческой и интеллектуальной работы и публикации, избыток и обесценивание высказываний, конкуренция за внимание.

Существование индивидуальной точки зрения, независимой от манипуляций, становится проблемой. Пропагандистское искусство 1930-х гг. можно рассматривать как часть доминирующей в наши дни массовой культуры: для повести Н. А. Островского характерны кинематографичность, высокая скорость восприятия, сцены насилия, использование упрощенных, типичных образов. Исследуемый текст насыщен образами, восходящими к христианской агиографии, что позволяет интерпретировать его как попытку завоевать авторитет политических убеждений через эмоции аудитории. Мировоззрение автора предполагает добровольный отказ от христианского персонализма и добровольное слияние индивидуальных взглядов и высказываний с общественной повесткой, проповедь достижения бессмертия, отличающегося от проповедуемого христианством персонального воскресения.

Ключевые слова: Н. А. Островский; «Как закалялась сталь»; сталинизм; большевизм; пропаганда; постправда; агиография; персонализм

Статья подготовлена в рамках работы над проектом Российского научного фонда РФ 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

Для цитирования: Аристова Е. П. Постправда и постсоветское прочтение советского романа («Как закалялась сталь» Н. Островского) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4 (127). С. 196-203. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-196-203>. <https://elibrary.ru/qtozvh>

Original article

**Post-truth and post-soviet reading of N. A. Ostrovsky's
«How the steel was tempered» novel**

Ekaterina P. Aristova

Candidate of philosophical sciences, researcher at Institute of philosophy, FSBIS «Russian academy of sciences». 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12, building 1
ekaterina.ftwr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

Abstract. This article analyses the novel «How the Steel Was Tempered» of N. A. Ostrovsky by posing three main questions: How does the new information environment make the definition of «totalitarian» works of art, dominating since the 1990s, questionable? What is the nature of the emotional impact of the work? What model of correlating personal and social beliefs does N. A. Ostrovsky present and what is the value of this model for him? The concept of post-truth, which is actively used in modern political rhetoric, characterises the priority of emotionally perceived information

and images over facts in the situation of information superfluity and loss of authority by large institutions. The reason of the situation is the simplification of creative and intellectual work and publication, causing the abundance and devaluation of speech, competition for attention. The existence of an individual point of view, resistible to propaganda, is a problem now. Propaganda art of the 1930s can be considered as just a part of the mass culture that dominates today: the novel of N. A. Ostrovsky is similar to cinema with its «montage» composition, high speed of perception, scenes of violence, simplified typical characters. The text also contains many images relating to Christian hagiography, so it can be interpreted as an attempt to gain the authority of political beliefs through emotions of the audience. The author's point of view implies a voluntary rejection of Christian personalism and a voluntary merging of individual views and speech with the public agenda, preaching the achievement of immortality, which is different from the personal resurrection preached by Christianity.

Keywords: N. A. Ostrovsky; «How the Steel Was Tempered», Stalinism; Bolshevism; propaganda; post-truth; hagiography; personalism

This research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation RSF project № 20-68-46013 «Philosophic-anthropological analysis of the Soviet being. Prerequisites, dynamics, impact on modernity»

For citation: Aristova E. P. Post-truth and post-Soviet reading of N. A. Ostrovsky's «How the steel was tempered» novel. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(4): 196-203. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-196-203>. <https://elibrary.ru/qtozbb>

Введение

Политические процессы на постсоветском пространстве, прежде всего, острые конфликты на национальной почве, подкрепляемые неприятием советского прошлого, делают актуальной ревизию советской идеологической культуры. С 1990-х гг. официальное искусство СССР интерпретировалось как тоталитарное [Голомшток, 1994] и противопоставлялось искусству какого-то другого, свободного, мира. Постепенно развитие информационной среды так обострило тему манипуляций сознанием, в том числе в демократических обществах, что проблемой стало повсеместное доминирование риторики пропаганды, возник интерес к механизму ее воздействия.

В настоящей статье будет анализироваться повесть Н. А. Островского «Как закалялась сталь», которая увидела свет в 1932 г. и до самого конца СССР тиражировалась как каноничный для воспитания советского гражданина текст. После исключения из образовательных программ в 1989 г. произведение было забыто почти мгновенно. Прочитывая его заново после нескольких постсоветских десятилетий, хотелось бы поставить следующие вопросы: 1. Что в новой информационной среде ставит под сомнение устоявшееся с 1990-х гг. отвержение «тоталитарных» художественных произведений? 2. Какова природа эмоционального воздействия повести «Как закалялась сталь»? 3. Какую модель соотношения убеждений личных и почерпнутых извне предлагает читателю Н. А. Островский и в чем видит ее ценность?

Постправда и образ сталинизма

Уже два взрослых поколения на постсоветском пространстве не имеют опыта жизни в СССР и в своих оценках опираются на образ советского мира, сформированный благодаря культуре, в том числе массовой — от кинофильмов до компьютерных игр. Образование и наука не могут противостоять этому явлению и скорее под него подстраиваются: финансирование исследований и создание учебной литературы во всем мире преимущественно лежит на плечах государств и иных политически ангажированных институций, заинтересованных в работе с образами: в подкреплении образов позитивных для конкретной общественной повестки, в отрицании образов негативных.

При этом в последние годы в России все более актуален положительный образ сталинского периода истории СССР. По данным Левада-центра, в 2019 г. каждый второй респондент характеризовал свое отношение к Сталину как уважение и восхищение. В общей сложности 70 % опрошенных сочли его историческую роль в судьбе нашей страны однозначно положительной или преимущественно положительной. Не более 15 % опрошенных относились к Сталину с негативом или страхом, не более 5 процентов дали его роли в истории однозначно негативную оценку [Динамика отношения к Сталину].

Нельзя не признать, что с 1991 г. было сделано многое для осознания трагических сторон сталинизма. Появились открытые издания документов, рассказывающих, о коллективизации и истории ГУЛАГа. Работают мемориалы и музеи, посвященные жертвам репрессий. Издаются литератур-

ные произведения, отражающие мрачные и противоречивые стороны советской жизни первой половины прошлого столетия: работы Е. Замятина, М. А. Булгакова, А. П. Платонова, Б. Л. Пастернака, В. Шаламова и др. В кинофильмах и сериалах затрагивается тема террора, в том числе по отношению к положительным героям, вызывающим у зрителя сочувствие. Русская православная церковь открыто почитает новомучеников XX в., пострадавших от богоборчества. Почему же, несмотря на эти усилия, общественное мнение воспринимает период положительно и готово простить и затушевать его трагедии?

Этот вопрос имеет смысл рассмотреть в связи с понятием «постправды», оказывающим заметное влияние на мировую политическую и общественную риторику.

В 2016 г. Оксфордский словарь английского языка объявил термин *post truth* словом года из-за резкого скачка частоты его употребления. Его смысл объясняется следующим образом: «Обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем отсылки к эмоциям и личной вере» [World of the year, 2016].

Дж. Хэрсин в подробной статье 2018 г. «Пост-правда и критическое исследование коммуникаций» охарактеризовал состояние постправды как период, когда большие институты (правительства, наука, церковь и т. п.) больше не могут создать у аудитории ощущение своего авторитета, из-за чего ощущается повсеместное недоверие всех ко всем даже при открытом распространении информации. Причина ситуации — развитие технологий, упрощающих создание и публикацию произведений. Журналистика, аналитика, творчество больше не являются делом влиятельных профессионалов и доступны каждому, даже программы-роботы уже способны решать многие задачи из этих сфер. Как следствие, высказывание одновременно демократизировалось и обесценилось: в жесткой конкуренции за внимание важны не факты, а эмоциональные оценки [Harsin, 2015].

С. Фуллер в обширном исследовании постправды 2018 г. представляет истину, в том числе философскую и даже научную, отражением общественного консенсуса, который, как и правила его формирования, в любую минуту может быть оспорен [Фуллер, 2021]. Таким образом, правда в его мировоззрении — это скорее не константа, а бесконечный политический процесс, связанный с борьбой за симпатии последователей.

Таким образом, в современной цифровой среде, предполагающей конкуренцию небывалого множества высказываний за внимание, любое слово (и даже молчание!) можно рассматривать как явление политическое. Сфера личных переживаний и оценок сростается со сферой общественных коммуникаций. Едва ли в такой ситуации можно отличить трансляцию идеологии от свободного творческого самовыражения. Граница между пропагандой тоталитарного режима и манипуляцией режима демократического стирается. Схожая атмосфера ощущается во многих художественных произведениях прошлого столетия, чьи авторы испытывали к общественной идеологии искренне сочувствие — у Н. А. Островского в том числе.

Литература как средство массовых коммуникаций

Интересно, что Американский идеолог Холодной войны З. Бжезинский в середине прошлого столетия связал формирование так называемых «тоталитарных» режимов XX в. именно с развитием средств массовой коммуникации и связи [Brzezinski, 1961]. В наши дни присутствие вокруг человека экранов и ретрансляторов привычно и избыточно, но в СССР 1930-х действительно велась активная борьба за их распространение: по отдаленным регионам ездили агитационные поезда, на ходу монтируя новостные сводки для трансляции на перевозном оборудовании, создавались кинозалы, точки просмотра в рабочих и сельских клубах, множились кинотеатры-«передвижки» [Ламберг, 1930].

Литература тоже была интересна как самый легко тиражируемый на тот момент информационный носитель. Произошло отречение от элитарной культуры XIX в. — книги печатались для малограмотного выходца из деревни, проводящего много часов у станка по шесть дней в неделю. В 1920-е гг. доминировали простейшие агитационные и антирелигиозные брошюры, приветствовались приключенческие романы. С начала 1930-х гг. власти ужесточили контроль наполнения библиотек, формируя канон произведений массового чтения. Акцент делался на демонстрации «правильных» взглядов, способствующих упрочению идеологии и положения новых элит, а рабфаковцы и стахановцы, то есть люди, претендующие на новые социальные лифты, стали самыми активными читателями. Повесть «Как закалялась сталь» в 1936 г. возглавила канон, став самой читаемой [Лебина, 2015].

Ни с чем иным как с кинофильмом сравнивает ее в очерке «Обрученные с идеей» Л. А. Аннинский. Для произведения, по его мнению, характерна «монтажность» композиции и «вихревая» атмосфера — неожиданно вводя нового героя, автор то и дело крупно описывает глаза, дает пару ярких черт, словно чередуя планы камеры, тут же персонаж навсегда исчезает, и новые эпизоды продолжают свое быстрое мелькание [Аннинский]. Читатель вовлекается как зритель, едва ли имея возможность анализировать неспешно. Усиливая эмоциональное воздействие, Островский прямолинейно демонстрирует жестокие сцены нападений, погромов, грабежей, изнасилований, убийств и т. д. Прорабатывая персонажей, он опирается на идеальные типы, строго подчиняя характеры классовому происхождению. Его рабочие романтичны и самоотверженны; крестьяне, привязанные к земле, увязают в грязи, тяжелом быте и религиозной архаике; городская буржуазия мелочна и ограничена; интеллигенты и дворяне — изнеженны и высокомерны. Главный герой, Павел Корчагин, тоже являет образ благородного пролетария, доведенный до предела. Выходец из семьи рабочих, комсомолец и красноармеец, он охотно жертвует всем в борьбе за лучшее общество, забывая любые личные интересы, включая даже здоровье собственного тела. Даже парализованный и ослепший в результате ранения, он стремится служить обществу через писательское творчество. Существует литература о той же эпохе — проза Б. Л. Пастернака, М. А. Шолохова, М. А. Булгакова и др., которая отразила сложность Гражданской войны: вражду в обществе, в семье, противоречия и потерю ориентиров в душе человека. Но Н. А. Островский, напротив, предпочел героев без полутонов и сомнений, которые будто сошли с агитационного плаката, так что их добрая или дурная природа считывается мгновенно.

Идеальные коммунисты

Контрастную «черно-белую» образность по-разному оценивают исследователи. Е. Толстая-Сегал ищет ее корни в политической ситуации начала 1930-х гг., когда люди, подобные Островскому, предавались ностальгии по революционному прошлому, уже чувствуя себя обделенными [Толстая-Сегал, 1981]. В тот же период велось преследование «троцкизма», и повесть множество раз правили [Толстая-Сегал, 1981], пока

идеологическая корректность Павки Корчагина не приобрела свою знаменитую «монолитность».

Л. А. Аннинский проникается сочувствием к несомненному романтизму произведения. В силе убеждений героя и автора, их «обрученности с идеей» он видит источник надежды и чуда, необходимый в самых тяжелых обстоятельствах. Не случайно тираж повести «Как закалялась сталь» напечатали жители Блокадного Ленинграда в 1942 г., вручную приводя обесточенные станки в движение [Аннинский].

С. А. Никольский, напротив, подчеркивает, что писатель отразил мировоззрение только одного низового комсомольского активиста, причем идеология бесконечной классовой борьбы вытеснила в восприятии героя многогранное отношение к действительности. Действуя как молчаливый исполнитель, он не замечает отрицательных сторон новой действительности: жестокость власти к крестьянству в ходе коллективизации, террор, карьеризм комсомольских и партийных работников, превращавшихся в новых «хозяев жизни», то есть в социальных паразитов и т. д. [Никольский, 2020].

Возможна и еще одна оценка. Образы Павла Корчагина и других положительных героев-коммунистов поданы у Островского не просто однобоко, но апофатически, то есть через отрицание любых «земных» определений. Так можно говорить о чем-то нечеловеческом — напомним, что апофатически описывалось высшее божество в христианском богословии. Рассказывая о комсомольской стройке в Боярке, писатель через образный ряд подчеркивает, что героических добровольцев не ограничивают естественные потребности. У них нет ни одежды, ни пищи, ни теплого укрытия (в их пристанище «дыры», «пробоины», «ветер»), что они не требуют награды, и их труд не знает завершения (перед ними только уходящая вперед даль, конца которой не видно) [Островский, 1984]. Все добросовестные большевики у Островского также подчеркнута асексуальны и не нуждаются в использовании женщин для личного удовлетворения. Лишены они и страха смерти — отвергая желание безопасности, они «не отсиживаются» и откликаются на военный призыв, стремятся в гущу событий, подобно мученикам, лишаются жизни, но не убеждений:

«Когда были недалеко от виселицы, запела Валя. Не слышал никогда я такого голоса — с такой страстью может петь только идущий на смерть. Она запела “Варшавянку”; ее товарищи

тоже подхватили. Хлестали нагайки конных; их били с тупым бешенством. Но они как будто не чувствовали ударов. Сбив с ног, их к виселице волокли, как мешки. Бегло прочитали приговор и стали вдевать в петли. Тогда запели мы: Вставай, проклятьем заклеянный...» [Островский, 1984, с. 162].

Святость и авторитет

Поскольку большевики известны как противники религии, обращение к богословским мотивам требует пояснений. Религиозные практики — это древний тип коммуникации, используемый разными силами для политического влияния на протяжении тысячелетий. И. В. Семененко-Басин в работе «Святость в русской православной культуре XX века» показал, что почитание святых (оно подразумевало пышные церемонии по случаю обретения мощей, масштабные крестные ходы, поддержке крупных центров паломничества и т. д.) до 1917 г. было важной частью политического антуража правления русского императорского дома. Ассоциировать себя не с государственной машиной, а с национальными святыми было важно для простых людей [Семененко-Басин, 2010]. Странники ВКПБ, придя к власти, разрушили старые традиции религиозности (закрывали храмы, захоранивали и передавали в музеи мощи и т. п.), чтобы демонтировать механизмы, подкреплявшие власть предшественников [Семененко-Басин, 2010]. Параллельно они учреждали собственные схожие по форме культы (мавзолей В. И. Ленина на Красной площади — яркий тому пример) [Семененко-Басин, 2010]. Исследователь отмечает: «...имело место не уничтожение, а присвоение сакрального, его перераспределение в интересах новой власти» [Семененко-Басин, 2010]. Повесть «Как закалялась сталь», по-видимому, была частью такого присвоения. Тем более, что Ю. Б. Боров, исследуя формирование социалистического реализма, подчеркнул влияние житий и на текст Островского и на стиль в целом [Боров, 2008]. В категоричных образах идеальных литературных коммунистов присутствуют разные типы святости: апостольство, аскетизм, бессребрничество, страстотерпничество, исповедничество, мученичество [Живов, 1994].

Святость, в особенности муки и гибель за веру, в христианской традиции с древности ассоциируются с истиной и ее публичным утверждением. Греческое мартыос, «мученик» — слово из древней юридической практики, которое означа-

ло «соклятвенника» [Пантелеев, 2017], то есть достаточно уважаемого и добросовестного человека, способного поручиться за подсудимого на процессе и своим авторитетом повлиять на судей. Готовность к страданиям и смерти тоже придает авторитет убеждениям. Кроме того, суд в древности был публичным, а разбирательства и казни по делам христиан нередко проходили в цирках в качестве шоу для толпы [Пантелеев, 2017]. Отказ христиан от жертвы идолам ради сохранения жизни, несомненно, впечатлял зрителей. Дошедшие до нас жития этот момент подчеркивают: святым приписываются неестественные чудеса стойкости, ораторские защитительные речи, которые вряд ли на самом деле произносились, особенно остроумные и дерзкие ответы на допросах и т. д. Известный исследователь агиографии В. М. Лурье сравнивает жития не с чем иным, как с современными средствами массовой информации, подчеркивая, что их писали не для того, чтобы сообщить факты [Лурье, 2009], а для того, чтобы эмоционально воздействовать на читателей.

Л. А. Аннинский справедливо называет ее «красным житием» и «исповедью, пронявшей миллионы» [Аннинский]. Односторонность, преувеличенная непререкаемость убеждений автора и его героев — свойство жанра, который отнюдь не ставит себе целью объективное отражение сложной исторической действительности. Подчеркнутая демонстрация святости коммунистов — источник авторитета их политических убеждений (заметим, что латинское «auctoritas» можно перевести в том числе как «власть»).

Отказ от христианского персонализма

Есть, впрочем, черта, отделяющая Н. А. Островского и политический культ, становлению которого способствовало его произведение, от христианства. Последнее предполагает персонализм — ценность каждой отдельной сотворенной Богом души. В эпоху становления древней церкви это в том числе означало приоритет личных религиозных убеждений христианина, когда они вступали в конфликт с общественными. Отказываясь от символической жертвы идолу императора, пусть и представлявшей собой в позднем Риме скорее формальный бюрократический ритуал лояльности [Пантелеев, 2017], древние святые нарушали государственный закон, тем самым вступая с ним в спор и призывая дать гражданам пространство индивидуальных взглядов, в котором власти и социум не

могут вторгнуться ни при каких благих намерениях. Миланский эдикт 312 г. императоров Константина и Лициния, остановивший гонения, ознаменовал определенный успех их борьбы за свое мировоззрение.

Христианский персонализм, несомненно, оказал влияние на «антитоталитарную» риторику. В классической работе по данной теме «Свободное общество и его враги» 1939 г. философ К. Поппер противопоставил иррациональную веру в проповедуемые «оракулами» надличностные законы и механизмы (в том числе в законы экономики у К. Маркса) критическому рациональному мышлению. Первые приписывают суждения абстрактным общественным группам, например, нации или классу, последнее — внимательно к каждому индивидуальному мнению, анализируя его в отдельности [Поппер, 1992].

Островский, современник Поппера, как будто смотрел на ситуацию зеркально и стремился не отстоять пространство сугубо личных убеждений, а скорее напротив, добровольно им пожертвовать. Последовательно определяя характеры своих героев классовым происхождением, он акцентировал внимание на взаимодействии именно надличностных сил. Более того, он долго отказывался от индивидуальности собственного творческого высказывания, отрицая автобиографичность повести «Как закалялась сталь» [Бузни, 2017], хотя она была несомненна.

Р. П. Островская, супруга писателя, подробно рассказала непростую историю создания произведения: муж, контуженный во время Гражданской войны, несмотря на усилия врачей, с 22 лет был прикован к постели, и из-за прогрессирующей слепоты и паралича вскоре оказался полностью обездвижен. Запертый в окаменевшем теле, как и его главный герой, он стал писателем [Островская, 1974] и создал шедевр, прозябая в тяжелейших условиях. Демонстрируя чудеса стойкости духа, он по шестнадцать часов в сутки проводил без присмотра и ухода, пока жена была на работе [Островская, 1974], писал под диктовку с помощниками или один с самодельным картонном трафаретом, наощупь вписывая буквы в про- рези.

Почему для Островского было так важно сгладить индивидуальность собственного высказывания, даже с таким трудом ему дававшегося?.. Вряд ли дело в слишком доверчивом поверхностном отношении к идеологии, поскольку мало кто понес больше ответственности за идейный выбор, чем двадцатидвухлетний юноша, слепой и

искалеченный. Не было ли стремление писателя слиться с тоталитарным дискурсом отчаянным стремлением свою личность не потерять, а сохранить, избежав инфляции собственной жизни, перемолотой жерновами истории?.. Соединившись с общественной силой, даже в беспомощном состоянии, он все-таки был силой. В этом плане понятна фанатичность Павки: будь этот персонаж хоть немного сомневающимся, его жизнь была бы только отдельной жизнью, а не идеалом, общезначимым, а потому неуничтожимым через чью-то единичную гибель. «Как закалялась сталь» — это не только агиография, но и подкрепленная авторитетом собственных страданий автора проповедь воскресения, но не персонального, утверждаемого в христианстве, а какого-то совсем иного, создаваемого причастностью к надличностной силе, перемальвающей множество отдельных жизней ради великих свершений.

Выводы

Итак, современная цифровая среда, характеризующаяся избытком информации и всеобщей конкуренцией за внимание, породила представление о правде как о политическом явлении, изменчивом и зависящем от эмоциональных симпатий максимального числа сторонников. В постоянной борьбе говорящих субъектов за доверие любое высказывание становится политическим, противопоставление свободного и несвободного социума постепенно теряет смысл, поскольку проблемной оказывается сама возможность индивидуальной точки зрения, независимой от манипуляций сознанием общества.

Повесть «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, произведение эпохи «тоталитарных режимов» XX в., — это отражение опыта осознанного добровольного подчинения индивидуального мышления общественной повестке. Ее выразительность воздействует на эмоции: используется «кинематографичная» монтажная композиция в сочетании с высокой скоростью повествования, демонстрируются сцены насилия, персонажи представляют собой яркие идеализированные типы, будто сошедшие с агитационных плакатов. Кроме того, автор обращается к религиозной по происхождению теме святости и мученичества, помогающей свидетельствовать о важности и истинности убеждений.

В подчеркнутой самоотверженности главного героя, Павки Корчагина, выражена надежда его создателя на своеобразное воскрешение через добровольное слияние индивидуальности с об-

щественной силой и отказ от христианского персонализма, лежащего в основе не только традиционного для Европы представления о гуманности, но и многих правовых и культурных институтов, в представлении большевиков, по большей части ложных и устаревших. Принимая во внимание мировоззрение Островского как представителя первого советского поколения, можно сказать, что персонализм как предмет религиозной веры всегда может быть подвергнут сомнению, и его нельзя раз и навсегда интегрировать в социальные процессы. Впрочем, в современном мире, воспринимающем информацию через эмоции и доверие, этот персонализм уже не может быть и полностью отброшен.

Библиографический список

1. Аннинский Л. А. Обрученные с идеей (О повести «Как закалялась сталь Николая Островского») // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/anninskiy_lev/obruchennye_s_ideey_o_povesti_kak_zakalyalas_stal_nikolaya_ostrovskogo.html (дата обращения: 01.03.2022).
2. Боров Ю. Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. Москва : Аст, 2008. 478 с.
3. Бузни Е. Литературное досье Николая Островского. Москва : ЛитРес: Самиздат, 2017. 168 с.
4. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. Москва : Галарт, 1994. 296 с.
5. Динамика отношения к Сталину // Левада центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (дата обращения: 01.03.2022).
6. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. Москва : Гнозис, 1994. 112 с.
7. Ламберг Эфр. Кинопромышленность СССР. Экономика советской кинематографии. Москва : Теакнопечать, 1930. 285 с.
8. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. Москва : НЛО, 2015. 245 с.
9. Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. Санкт-Петербург : Аxiома, 2009. 238 с.
10. Никольский С. А. Николай Островский: «место в железной схватке за власть». Россия накануне и после Октября. Статья вторая // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 161-168.
11. Островская Р. Николай Островский. Москва : Молодая Гвардия, 1974. 237 с.
12. Островский Н. Как закалялась сталь. Рожденные бурей. Москва : Правда, 1984. 592 с.
13. Пантелеев А. Д. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / пер., коммент., вступ. статья, приложение и общ. ред. А. Д. Пантелеев. Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. 384 с.
14. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. и общ. ред. В. Н. Садовский. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
15. Семенов-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX в. История персонализации. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2010. 291 с.
16. Толстая-Сегал Е. К литературному фону книги : Как закалялась сталь // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22. № 4. P. 375-399.
17. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. А. Смирнов. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
18. Brzezinski Z. K. Totalitarian dictatorship and autocracy / Z. K. Brzezinski, C. J. Friedrich. New York: Frederick A. Praeger, 1961. 346 p.
19. Harsin J. Post-Truth and Critical Communication Studies // Communication Culture & Critique. 2015. № 8 (2). URL: https://www.researchgate.net/publication/272752872_Regimes_of_Post-truth_Post-politics_and_Attention_Economies (дата обращения 01.03.2022).
20. Word of the Year 2016 // Oxford languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения 01.03.2022).

Reference list

1. Anninskiĭ L. A. Obruchennye s ideĭ (O povesti «Kak zakaljalas' stal' Nikolaja Ostrovskogo») = Betrothed with the idea (About the Nikolai Ostrovsky's novel «How steel was tempered») // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/anninskiy_lev/obruchennye_s_ideey_o_povesti_kak_zakalyalas_stal_nikolaya_ostrovskogo.html (data obrashhenija: 01.03.2022).
2. Borev Ju. B. Socialisticheskiĭ realizm: vzgljad sovremennika i sovremennyĭ vzgljad = Socialist realism: the view of a contemporary and the modern view. Moskva : Ast, 2008. 478 s.
3. Buzni E. Literaturnoe dos'e Nikolaja Ostrovskogo = Literary dossier of Nikolai Ostrovsky. Moskva : LitRes: Samizdat, 2017. 168 s.
4. Golomshtok I. N. Totalitarnoe iskusstvo = Totalitarian art. Moskva : Galart, 1994. 296 s.
5. Dinamika otnosheniya k Stalinu = Dynamics of attitude towards Stalin // Levada-centr. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (data obrashhenija: 01.03.2022).
6. Zhivov V. M. Svjatost'. Kratkij slovar' agiograficheskikh terminov = Holiness. A brief dictionary of hagiographic terms. Moskva : Gnozis, 1994. 112 s.
7. Lamberg Jefr. Kinopromyshlennost' SSSR. Jekonomika sovetskoj kinematografii = Film industry of the USSR. Economics of Soviet cinematography. Moskva : Teakinopechat', 1930. 285 s.

8. Lebina N. Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii ot voennogo kommunizma k bol'shому stilju = Soviet everyday: norms and anomalies from war communism to big style. Moskva : NLO, 2015. 245 s.
9. Lur'e V. M. Vvedenie v kriticheskuju agiografiju = Introduction to critical hagiography. Sankt Peterburg : Axioma, 2009. 238 s.
10. Nikol'skiĭ S. A. Nikolaĭ Ostrovskiĭ: «mesto v zheleznoj shvatke za vlast'». Rossiya nakanune i posle Oktjabrja. Stat'ja vtoraja = Nikolai Ostrovsky: «a place in the iron battle for power». Russia on the eve and after October. Article Two // Verhnevolzhskiĭ filologičeskij vestnik. 2020. № 4 (23). S. 161-168.
11. Ostrovskaja R. Nikolaj Ostrovskij = Nikolai Ostrovsky. Moskva : Molodaja Gvardija, 1974. 237 s.
12. Ostrovskij N. Kak zakaljalas' stal'. Rozhdennye burej = How the steel was tempered. Born by storm. Moskva : Pravda, 1984. 592 s.
13. Panteleev A. D. Rannie mučenichestva. Perevody, kommentarii, issledovanija = Early martyrs. Translations, comments, studies / per., komment., vstup. stat'ja, prilozhenie i obshh. red. A. D. Panteleev. Sankt-Peterburg : IC «Gumanitarnaja akademija», 2017. 384 s.
14. Popper K. Svobodnoe obshhestvo i ego vragi. T. II. Vremja lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly = Free society and its enemies. V. II. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles / per. s angl. i obshh. red. V. N. Sadovskij. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. 528 s.
15. Semenenko-Basin I. V. Svjatost' v russkoj pravoslavnoj kul'ture XX v. Istorija personifikacii = Holiness in Russian Orthodox culture of the XX century. The history of personification. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2010. 291 s.
16. Tolstaja-Segal E. K literaturnomu fonu knigi : Kak zakaljalas' stal' = To the literary background of the book: How steel was tempered // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22. № 4. P. 375-399.
17. Fuller S. Postpravda. Znanie kak bor'ba za vlast' = Post-truth. Knowledge as a power struggle / per. s angl. D. Kralechkina ; nauch. red. A. Smirnov. Moskva : Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2021. 368 s.
18. Brzezinski Z. K. Totalitarism dictatorship and autocracy / Z. K. Brzezinski, C. J. Freidrich. New York: Frederick A. Praeger, 1961. 346 p.
19. Harsin J. Post-Truth and Critical Communication Studies // Communication Culture & Critique. 2015. № 8 (2). URL: https://www.researchgate.net/publication/272752872_Regimes_of_Post-truth_Post-politics_and_Attention_Economies (data obrashhenija 01.03.2022).
20. Word of the Year 2016 // Oxford languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (data obrashhenija 01.03.2022).

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 23.06.2022.

The article was submitted on 18.04.2022; approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication on 23.06.2022.